

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.3>

Вайрах Юлия Викторовна, Казорина Анна Владимировна

СИМВОЛИКА ОБРАЗА СОФИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ "СОНЕЧКА" И Т. ТОЛСТОЙ "СОНЯ"

В статье рассматривается символика образа Софии в произведениях Л. Улицкой и Т. Толстой. Анализируются женские образы в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой в контексте культурного концепта СОФИЯ; изучена авторская интерпретация значения имени Соня; определены особенности преемственности в создании женского образа. Образ Сонечки в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой - это авторская игра литературными смыслами. Интертекстуальность в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой "Соня" помогает раскрыть палитру смыслов имени Софья, увидеть вечные законы бытия, отраженные в судьбе женщины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 14-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Никифоров А. И. Литературные материалы (из рукописей Казанского центрального музея) // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 66-74.
9. Никифоров А. И. Русские повести, легенды и поверья о картофеле // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1922. Т. 32. Вып. 1. С. 135-139.
10. Перетц В. Н. Легенды о происхождении картофеля // Сборник памяти Л. Н. Майкова / ред. В. И. Саитов. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. С. 94-95.
11. Смирнов И. П. Повесть о происхождении винокурения // Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 4-х вып. СПб.: АН СССР; ИРЛИ, 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. С. 268-269.
12. У истоков мира: русские этнологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Белова, Г. И. Кабакова. М.: Форум, 2014. 528 с.

ON COMMON AND SPECIAL VERSIONS OF "TALE ON THE ORIGIN OF TOBACCO"

Brovkina Tat'yana Vladimirovna

*Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
tatjana-brovkina@rambler.ru*

The article examines the common and special versions of the Old Russian "Tale on the Origin of Tobacco". The special version is represented by 4 copies, the common version – by 2 copies. The analysed versions trace their origin from the copies of the first source version. Both the versions contain an inclusion summarizing some episodes of the story; some text fragments containing the information already known to the reader are abridged. However, each of the mentioned versions has its particular set of inclusions and reductions, which allows considering them an integral part of the history of "Tale on the Origin of Tobacco".

Key words and phrases: Old Russian tales; tobacco; textual criticism; "Tale on the Origin of Tobacco"; special version; common version; versions; copies.

УДК 82.801.733

Дата поступления рукописи: 21.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.3>

В статье рассматривается символика образа Софии в произведениях Л. Улицкой и Т. Толстой. Анализируются женские образы в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой в контексте культурного концепта СОФИЯ; изучена авторская интерпретация значения имени Соня; определены особенности преемственности в создании женского образа. Образ Сонечки в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой – это авторская игра литературными смыслами. Интертекстуальность в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой «Соня» помогает раскрыть палитру смыслов имени Софья, увидеть вечные законы бытия, отраженные в судьбе женщины.

Ключевые слова и фразы: символика образа; София; библейский текст; интертекстуальность; Л. Улицкая; Т. Толстая; современная русская литература.

Вайрах Юлия Викторовна, к. филол. н.

Казорина Анна Владимировна, к. филол. н.

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
vayrakh@yandex.ru; anna-kazorina@mail.ru*

СИМВОЛИКА ОБРАЗА СОФИИ

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА» И Т. ТОЛСТОЙ «СОНЯ»

В русском культурном сознании образ Софии – это идеальный образ, сочетающий чувственность и решительность, ум и детскую наивность. В русском культурное сознание этот женский образ-символ ввел В. С. Соловьев.

Канонический христианский образ Софии Премудрости Божией В. С. Соловьев трактовал как некое сакрально-символическое воплощение высшей женственности и сопутствующих ей качеств высшей мудрости, красоты и гармонии. Мыслитель утверждал, что высший человек не может найти женщину, которую он может любить восходящей любовью, если эта любовь необходима для морального совершенства, то ее предметом становится богиня, некий женский дух высшего порядка. Вследствие этого София есть «космогоническая душа мира, очаровательный образ женского божественного начала, божественная субстанция, получившая свое воплощение в человечестве, как в вершине творения... Великое, царственное и женственное существо... Самое истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная во временном процессе и соединяющая с ним все, что есть» [Цит. по: 8, с. 80].

Совершенный женский образ, рассмотренный В. С. Соловьевым в контексте русской духовной культуры, был воплощен в творчестве многих художников слова, которые связывали образ Софии с понятиями доброты, святости и красоты. Героини, наделенные этим именем, как правило, воплощают образ думающей и чувствующей женщины. София – говорящее имя для литературы XVIII-XIX вв.: героиня с таким именем появляется сначала в пьесе Д. И. Фонвизина «Недоросль», затем – в пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума». Писатели

XIX столетия качествами Софии наделяют идеальные женские образы, которые могут носить в произведении другие имена. Все эти образы восходят к библейской Софии Великомученице, которая воплощает премудрость Божию и является матерью трех дочерей – Веры, Надежды и Любви. В художественных произведениях русских писателей идеальная героиня наделяется мудростью, дарит веру, надежду, любовь, а потому сближается с библейским образом Софии. Современная русская литература, продолжая традиции классиков, мифологизирует этот образ в интертекстуальном контексте. Среди произведений последних десятилетий XX века особо выделяются два произведения: Л. Улицкой «Сонечка» и Т. Толстой «Соня», – которые своим названием подчеркивают интертекстуальную связь с традициями русской классической литературы.

Целью настоящего исследования является определение особенностей создания женских образов в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой в контексте культурного концепта СОФИЯ. **Задачи** исследования: во-первых, необходимо рассмотреть особенности функционирования имени Соня в произведениях Л. Улицкой и Т. Толстой и выявить специфику воплощения женских образов. Во-вторых, осмыслить авторскую интерпретацию значения имени Соня и определить особенности преемственности в создании женского образа.

В литературоведении практически нет отдельных работ, посвященных исследованию образа Софии в русской литературе, чем и объясняется **научная новизна** заявленного исследования.

В современной филологической науке есть статьи, рассматривающие значение имени собственного в художественном произведении. Среди таких работ необходимо выделить статью С. Белова «Имена и фамилии у Достоевского», в которой раскрывается символический смысл имен собственных в произведениях писателя. Так, например, об имени Соня С. Белов пишет: «Особое место в романах Достоевского принадлежит “кротким” женщинам, носящим имя Софии – премудрости (греч.). София Андреевна (мать Подростка), София Ивановна (мать Ивана и Алеши), София Матвеевна Улитина (ангел-хранитель последних дней Степана Трофимовича в “Бесах”), наконец, Соня Мармеладова – все они смиренно несут крест, выпавший на их долю, но верят в конечную победу добра» [3]. Интересной представляется статья Н. Ю. Печетовой и М. В. Михайловой «Роль имени собственного в создании образа персонажа художественного произведения (на примере произведений Л. Улицкой)», цель которой заключается в изучении функционирования имени собственного в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» и цикла рассказов «Сквозная линия». Авторы делают вывод, что имя собственное – один из главных приемов создания образа персонажа, раскрытия его внутреннего мира и создания национальной идентичности. Еще одним исследованием имени собственного является статья Э. Ф. Масловой «Структурные особенности антропонимов в романах Людмилы Улицкой “Даниэль Штайн, переводчик” и “Искренне ваш Шурик”». Однако в указанных статьях по творчеству Л. Улицкой представлено не литературоведческое, а лингвистическое исследование онимов. Произведение Т. Толстой «Соня» становится предметом исследования в статье Н. П. Беневоленской «Рассказ Т. Толстой “Соня”: иллюзия нравоописательного контраста», в которой рассматривается текст произведения в контексте постмодернистской парадигмы. В связи с этим несомненна **актуальность** заявленной темы, которая определяется интересом со стороны филологии к вопросам интерпретации имени собственного и особенностям творчества Л. Улицкой и Т. Толстой.

«Соня» в русской классической литературе изображается доброй и любящей мир девушкой, наделенной мудростью. Главными чертами ее характера становятся, с одной стороны, смирение и сострадание, а с другой стороны, она обладает такими качествами, как стойкость, твердость, непреклонность. Авторские интерпретации этого образа нашли свое воплощение на страницах произведений: «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Душечка» А. П. Чехова.

В повести Л. Улицкой «Сонечка» главная героиня предстает перед читателями девушкой, обладающей всеми душевными качествами идеальной русской женщины. Ее образ воплощает черты: смирение, доброту, милосердие, любовь. Л. Улицкая в традициях русской литературы лишает героиню внешней привлекательности, при этом создает шаржированный образ: «...нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу. Сонечка сводила плечи, сутулилась, носила широкие балахоны, стесняясь своего никчемного богатства спереди и унылой плоскости сзади» [10].

В рассказе Т. Толстой «Соня» героиня лишена внешней привлекательности: «голова, как у лошади Пржевальского», «грудь впалая, ноги такие толстые – будто от другого человеческого комплекта, и косолапые ступни» [9]. Простая Соня всегда была объектом насмешек и издевок. К примеру, брат Ады Лев Адольфович ради шутки делает ей двусмысленный комплимент за столом: «Сонечка, ваше вымя меня сегодня просто потрясает!», – и она радостно кивала в ответ [Там же]. Непонимание или неприятие Соней языковой игры, основанной на столкновении буквальных и переносных значений реплик, придает окружающим чувство интеллектуального превосходства над ней. Несмотря на это, героиня является воплощением доброты и самоотверженной любви к людям и особенно детям.

Главным событием в жизни обеих героинь становится любовь. В повести Л. Улицкой встреча с любимым человеком становится судьбоносной для Сонечки: она, как Наташа Ростова, в замужестве забыла себя, растворившись в семейной жизни. Ее муж, иронично пишет Л. Улицкая, «отмечал убедительную художественность, высокую осмысленность и красоту Сонечкиного домашнего творчества» [10]. Рождение дочери приносит героине двойное счастье. «Просыпалась она на рассвете от мелкого копошения девочки, прижимала её к своему животу, сонной спиной ощущая присутствие мужа. Девочка начинала ворочаться, собирать губы в комочек, чмокать и ловила сосок. Кормление доставляло Соне наслаждение, которое непостижимым образом

чувствовал муж, безошибочно просыпаясь в это раннее время. Он обнимал её широкую спину, ревниво прижимал к себе, и она обмирала от этого двойного груза непереносимого счастья» [Там же].

В рассказе Т. Толстой сюжетным центром становится розыгрыш, устроенный знакомыми главной героини. Раздосадованные наивными и прямолинейными замечаниями Сони, они решают ей отомстить, начав с ней переписку от лица вымышленного возлюбленного Николая. Эта злая шутка, начатая Адой Адольфовной, раз и навсегда связала двух женщин: чем счастливее становилась Соня, тем больше росла злость и ненависть в Аде. Доброта и готовность жертвовать собой становятся и защитой, и самым уязвимым местом героинь Л. Улицкой и Т. Толстой.

Сонечка в повести Л. Улицкой оказывается сильной женщиной, находящейся в мире божественного. Её мужу недоступен внутренний мир Сони, несмотря на его творческую профессию художника. Он решает на измену с Ясей, подругой дочери, которая, подчеркивает Л. Улицкая, воплощение реального, земного. С любовницей ему комфортно, к Роберту наконец приходит вдохновение, и он начинает писать картины: целую серию белых полотен, символизирующих возрождение. Эти картины после смерти мужа Сонечка покажет людям: ее любовь и самоотверженность помогут ей простить Ясю и Роберта.

Соня в рассказе Т. Толстой в своей любви оказывается сильнее людской ненависти, обстоятельств, смерти. В голодном блокадном Ленинграде героиня смогла ценой собственной жизни спасти Аду-Николая, потерявшую всех и умирающую от голода. В финале рассказа много неясного: читатель так и не узнает, получила ли Соня последнее письмо-разоблачение, знала ли героиня, что ее разыгрывают, как погибла Соня. Все эти тайны – часть образа главной героини, чья простота и наивность скрывали богатый и удивительный душевный мир.

В образах Сонечки Л. Улицкой и Т. Толстой нашла воплощение практически вся парадигма смыслов имени София. С точки зрения гностицизма, София является матерью Демиурга, создавшего материальный мир. Втайне от него она дарит созданному миру душу (пневму), поэтому гностики считают Софию ответственной за появление духовного начала. Героиня рассказа Л. Улицкой в этом смысле выполняет эту же функцию: она возрождает в Роберте художника (он, увидев ее впервые в библиотеке, пишет ее портрет, затем постепенно начинает возвращаться к искусству). София, создав посмертную выставку работ Роберта, открыла его творчество людям, сообщила его картинам духовное начало.

В Ветхом Завете София воплощает женственную пассивность, связанную с материнством, она связана не только с космосом (божественным началом), но и с земным, человеческим миром. В рассказе Л. Улицкой почеркнуто земное, животное начало Яси, которое ищет связь с космическим, творческим началом Роберта. Звеном между ними становится София – главный символ библейской Премудрости, воплощение веры, надежды, добра, духовности. Очень значимо здесь и то, что Роберт начинает писать картины тогда, когда появляется Яся, вдохновляющая его: Л. Улицкая реализует в своем тексте мифологему Творца, который может создавать только тогда, когда духовное и материальное связываются мудростью, любовью и добром.

В рассказе Т. Толстой в образе Сони-дуры, по справедливому замечанию Е. А. Аверьяновой, находят воплощение черты сказочного дурака: «Главная особенность Сони (сказочного дурака) быть чужим в этом мире, быть “не от мира сего”». Соня добра, но наивна, прямодушна, по-детски проста и прямолинейна. Задает неловкие вопросы и умысла или потаенного смысла в вопросах героини нет» [1]. Главная героиня Т. Толстой трудолюбива и готова помочь всем: в этом прослеживается связь со сказкой, в которой герой отличается покладистым характером и работоспособностью, но и с образами русских праведников, живущих для людей по законам милосердия и благочестия. Вместе с тем образ Сони в рассказе Т. Толстой перекликается с библейскими представлениями о Софии как силе, несущей духовное начало в мир: ключевой деталью ее образа становится нелепое украшение – эмалевая брошь в виде голубя. Она шлет брошь своему несуществующему любимому человеку – Николаю, и Ада не смогла прекратить жестокую шутку. Голубь – символ святого духа в христианстве, а Сониная брошь, верит автор, не могла сгореть в блокадном Ленинграде, потому что «голубков огонь не берет» [9].

Образ Сонечки в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой – авторская игра литературными смыслами. Героини воплощают в себе характеристики «Софьи», в переводе с древнегреческого «мудрость», «нежность», «доброта». Их образ в сознании читателя ассоциируется с образом героини романа Ф. М. Достоевского – Вечной Сонечки, живущей ради других. В романе «Преступление и наказание» Софья предстает мудрой, готовой на жертвы героиней. Об этой христианской мудрости М. С. Альтман сказал: «Ей были присущи основные черты всех “Софий” Достоевского: смирение, безответность, приниженность, незащитность, смирение, пожалуй, больше всего. И если Софья, вообще, означает мудрость, то у Достоевского мудрость его Софий – смиренномудрие...» [2, с. 179].

Находит в героинях Л. Улицкой и Т. Толстой отражение и образ Софьи из пьесы Д. И. Фонвизина «Недоросль»: «Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дянюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?» [11].

Им так же, как и Софье из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума», нет дела до чужого мнения: «Откуда скрытность почерпнуть! / Готова я была в окошко к вам прыгнуть. / Да что мне до кого? До них? До всей вселенной? / Смешно? – пусть шутят их; досадно? – пусть бранят» [5]. Сонечка в повести Л. Улицкой решительно берется за организацию похорон любимого мужа и, стоя рядом с Ясей, которая ищет теперь опору, вдруг вызывает у пришедших прощаться точные ассоциации с библейским образом Лии. Текст Ветхого Завета раскрывает новые смыслы имени Сонечка: доля нелюбимой жены, жизнь посвятившей семье и многочисленным детям, в библейском тексте рассматривается как испытание, данное свыше. Тихая, скромная

и покорная Лия стала прародительницей двенадцати колен Израилевых. Ее образ стал символом деятельной жизни, в то время как сестра ее Рахиль, веселая, красивая и любимая жена Иакова, в мировой культуре стала символом жизни созерцательной.

Смысл Сонечкиной жизни в повести Л. Улицкой заключался в семейных ценностях, любви к мужу и дочери. Этим ее образ сближается с образом героини рассказа А. П. Чехова «Душечка». «Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, здоровая. Глядя на ее полные розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую, наивную улыбку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное» [12]. Душечка А. П. Чехова предстает перед читателями неспособной к выражению собственного мнения, душевной, но не имеющей духовных интересов героиней. Ольга похожа на Соню чистой и невинной привязанностью, объект которой каждый раз меняется. Л. Улицкая подчеркивает сходство и уменьшительно-ласкательным суффиксом в имени Сонечки. Душечка (так называет главную героиню Ольгу А. П. Чехов) растворяется в любви и забывает саму себя. Этим качеством она напоминает Сонечку, которая готова жертвовать собой ради семьи. Время замужества для героини Л. Улицкой стало отдельной жизнью с другими ценностями и смыслами. В этой жизни не было места девичьему увлечению книгами: Соня стала добросовестной хозяйкой, женой и матерью, но духовной близости ни с мужем, ни с дочерью у нее было. Главным смыслом замужней жизни героини стало создание домашнего очага. И в этом тоже реализация библейского значения имени: София – это строительница, созидаящая мир, как плотник или зодчий складывает дом – образ упорядоченного мира. По справедливому замечанию Т. В. Садовниковой, «в обобщенно-философском плане, который “закодирован” писательницей уже самим выбором героини, обозначенные обстоятельства приобретают иной масштаб, а такие категории, как Дом и Семья, приближаются к архетипическим. Это подтверждает и финал повести. После смерти Роберта Викторовича Сонечка открывает в себе новую ипостась – Матери (именно так – с большой буквы): “Яся держала все время Соню за руку, вцепившись, как ребенок. Была она сирота, а Соня была мать”» [6].

В рассказе Т. Толстой Соня, по замечанию Н. П. Беневоленской, «“романтическое существо”, апологет и рыцарь прекрасной мечты» [4]. Она сумела сохранить верность своей придуманной любви. Можно утверждать, что героиня рассказа прожила жизнь счастливо: она жертвует собой ради мифического возлюбленного, но эта жертва не напрасна – Соня охранила жизнь Аде.

Женские образы в произведениях Л. Улицкой и Т. Толстой созданы на контрасте внешней непривлекательности и внутренней красоты. Мудрость героини рассматривается обеими писательницами в контексте традиций русской литературы: высокий смысл ее существованию придает бескорыстная любовь. Самоотверженность Софии – еще одно качество, позволяющее противопоставить образ окружающему миру, наделять ее божественными чертами. Образ Сони, созданный на страницах произведений Л. Улицкой и Т. Толстой, несмотря на подчеркнуто внешнюю непривлекательность, наделяется качествами идеальной женщины, нашедшей воплощение в русской классической литературе. В героинях Л. Улицкой и Т. Толстой можно увидеть связь с женскими образами в произведениях Ф. М. Достоевского, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, А. П. Чехова и др. Интертекстуальность в произведениях Л. Улицкой и Т. Толстой помогает раскрыть палитру смыслов имени Софья, увидеть вечные законы бытия, отраженные, с одной стороны, в судьбе нелюбимой жены, которая верностью и мудростью смогла сохранить Дом и Семью, а с другой стороны, в жертвенности и всепрощении одинокой женщины, которая, несмотря на жестокость мира, стала воплощением «положительно-прекрасной» героини.

Авторская ирония в повести Л. Улицкой и рассказе Т. Толстой не позволяет идеализировать образ Сонечки, соединяя в нем шарж и миф, пародию на классический идеал женщины и христианские представления о добре, любви и жертвенности.

Список источников

1. **Аверьянова Е. А.** Приемы мифологизации образа главного героя в рассказе Т. Толстой «Соня» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/priemy-mifologizatsii-obraza-glavnogo-geroya-v-rasskaze-t-tolstoy-sonya> (дата обращения: 20.07.2019).
2. **Альтман М. С.** Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. 280 с.
3. **Белов С.** Имена и фамилии у Достоевского [Электронный ресурс] // Телескоп. 2014. № 6 (108). С. 42-43. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content144731790198758file.pdf (дата обращения: 19.07.2019).
4. **Беневоленская Н. П.** Рассказ Т. Толстой «Соня»: иллюзия нравоописательного контраста [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-tatyany-tolstoy-sonya-illyuziya-nravoopisatel'nogo-kontrasta> (дата обращения: 19.07.2019).
5. **Грибоедов А. С.** Горе от ума [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/index.html> (дата обращения: 19.07.2019).
6. **Садовникова Т. В.** Вечная Сонечка (о поэтике повести Л. Улицкой «Сонечка») [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vechnaya-sonechka-o-poetike-povesti-l-ulitskoy-sonechka> (дата обращения: 19.07.2019).
7. **Соловьева Л. В.** Русская проза рубежа тысячелетий: учебное пособие. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2006. 57 с.
8. **Степанов С. А.** Идеальный женский образ – символ в отечественной литературе первой половины XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 79-83.
9. **Толстая Т.** Соня [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/r_night.txt (дата обращения: 19.07.2019).
10. **Улицкая Л.** Сонечка [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/134120-sonchka.html> (дата обращения: 19.07.2019).
11. **Фонвизин Д. И.** Недоросль [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1098/p.1/index.html> (дата обращения: 19.07.2019).
12. **Чехов А. П.** Душечка [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/995/p.1/index.html> (дата обращения: 19.07.2019).

**SYMBOLISM OF SOPHIA'S IMAGE
IN L. ULITSKAYA'S NARRATIVE "SONECHKA" AND T. TOLSTAYA'S STORY "SONYA"**

Vairakh Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Kazorina Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University
vayrakh@yandex.ru; anna-kazorina@mail.ru

The article considers the symbolism of Sophia's image in L. Ulitskaya's and T. Tolstaya's works. Female images in L. Ulitskaya's narrative and T. Tolstaya's story are analysed in the context of the cultural concept SOPHIA; the author's interpretation of the name "Sonya" is examined; continuity in the formation of the female image is identified. Sonechka's image in L. Ulitskaya's narrative and T. Tolstaya's story is the author's game of literary meanings. Intertextuality of L. Ulitskaya's narrative and T. Tolstaya's story helps to reveal the polysemantic nature of Sophia's name, to recognize the eternal laws of nature represented through the woman's life story.

Key words and phrases: image symbolism; Sophia; biblical text; intertextuality; L. Ulitskaya; T. Tolstaya; modern Russian literature.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 07.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.4>

В статье впервые рассматривается «готический сюжет» (комплекс типичных для готической прозы сюжетных схем и сопутствующей системы мотивов) как неотъемлемая часть произведений жанра русского антинигилистического романа 1860-1870-х гг. Материал: «На ножжах» (1870-1871) Н. С. Лескова, «Тайны современного Петербурга: Записки магистра Степана Боба» (1877) В. П. Мещерского, «Бесы» (1871) Ф. М. Достоевского, диалогия «Кровавый Пуф» – «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) В. В. Крестовского. «Готический сюжет» оказывается приёмом апелляции к читательским страхам для проведения пророческой мысли о смертельной угрозе «русскому миру».

Ключевые слова и фразы: готический сюжет; готическая проза; антинигилистический роман; «русский мир»; Ф. М. Достоевский; В. В. Крестовский; В. П. Мещерский; Н. С. Лесков.

Ефимов Антон Сергеевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
antonefimov33@gmail.com

РУССКИЙ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН 1860-1870-Х ГГ. И «ГОТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ»

«Готический сюжет», под которым мы подразумеваем комплекс сюжетных схем, типичных для готической прозы XVIII – первой половины XIX в. (европейского и русского образца), редко попадал в фокус исследователей поэтики русского антинигилистического романа (АР) 1860-1880-х гг. Это обусловлено тем, что линия изучения влияния готической прозы на русский АР до сих пор не стала темой детального крупного исследования. Если понятия «готика», «готический роман», «готическая литература» и встречаются в одном контексте с понятием «русский антинигилистический роман», то периферийно, без специального акцента на проблематике «поэтика готической прозы – поэтика антинигилистического романа». Таким образом, **актуальность** статьи определяется как необходимостью подготовки теории по интертекстуальным связям АР с готической прозой XVIII – первой половины XIX в., так и отсутствием подробного анализа произведений АР на предмет «готического сюжета». **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые предлагается рассматривать «готический сюжет» как неотъемлемый элемент поэтики жанра русского антинигилистического романа. Исходя из этого, **цель** исследования – подтвердить функционирование «готического сюжета» в произведениях АР. **Задачи:** 1) обосновать релевантность проблематики «поэтика готической прозы – поэтика антинигилистического романа» русскому литературному процессу второй половины XIX в.; 2) аргументировать гипотезу о привлечении авторами произведений АР поэтики готической прозы в качестве приёма апелляции к страхам читателя перед носителями идеологии нигилизма как смертельной угрозой для «русского мира»; 3) дать теоретическое описание понятия «готический сюжет»; 4) проанализировать роман «Тайны современного Петербурга: Записки магистра Степана Боба» (1877) В. П. Мещерского, романную дилогию «Кровавый Пуф» (1869-1874) В. В. Крестовского, романы «На ножжах» (1870-1871) Н. С. Лескова, «Бесы» (1871) Ф. М. Достоевского на предмет функционирования «готического сюжета».

Для подтверждения релевантности обозначенной проблематики положению дел в литературном процессе второй половины XIX в. мы обобщили в статье «Антинигилистический роман и роман готический: к постановке вопроса» (2019) [7] данные немногочисленных, но значимых трудов, затрагивающих интересующую нас тему. Сформировать небезосновательное представление об антинигилистическом романе как жанре, на который оказала влияние готическая проза, нам позволили следующие выводы: 1) наличие в романах жанра АР – «На ножжах» (1870-1871) Н. С. Лескова, «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) (диалогия